

ХЛОПОТЫ КОТА ПОТАПА

Вообще-то Потапом меня называет только хозяин мой, Фролыч. Думаю, для солидности, для весу. А так я обыкновенный хуторской кот, правда, какого-то бурого цвету.

Принёс меня хозяин в дом сосунком, недели две от роду. Грудничок, всё мамкино да мамкино молочко, а тут какое-то душное, как потом оказалось, козье, но ничего, привык. Ещё как пошло!

И по первости, видать, объелся. Ноги разъехались, живот, как шар. Лёг, не поднимусь. Дед взял меня за шкурку, тщательно рассмотрел: «Лапы – сила! Крысолов будет, а вот цвет подгулял, какой-то поганенький, не кошачий, бурый. Ну, ить с какой стороны посмотреть, может и к лучшему даже, неприметный. А вообще будет кот что надо! – И, дабы подтвердить мою будущую силу и мощь, обозвал меня Потапом. - Крепкий, бурый, лохматый, ни дать, ни взять – медвежонок».

Хозяйка называла меня просто «кот», а вся округа – «Фролычев обжора». Когда привязалась ко мне эта пагубная привычка, и не помню. Видать, воздух на хуторе такой, что съедается и тут же сгорает всё подряд; всё, что прыгает, ползает, летает, и порхает. Вся еда исчезает в моём необъятном желудке сразу же, я даже и не успеваю распробовать, от какой козы дед мне налил. А я и Милку, и Катьку, и Зинку по запаху знаю. Как не знать-то своего хозяйства. Думаю, что Фролыч без меня не справлялся бы вовсе.

Вот взять хотя утро. Деду так неохота вставать, я же вижу, но как ни жалко мне его, а будить приходится. Гуси гогочут, козы рвутся на волю, баран того гляди разнесёт закуску, да и курам пшенички надо посыпать. Вот и начинаю заходить издалека. То на кухне греману чем-нибудь, то на подоконник прыгну, там у деда рассада помидорная подрастает.

Он этих моих проказ не любит. Считает, что это я всю землю в ящике перерыл. Заслышав меня, тут же встаёт, чтобы спровадить восвосяи.

На самом деле, это полёвка забежала с осени и роет, роет у деда в ящиках. Я на неё веду каждодневно охоту; правда, уж больно хитра. Юркая мелочь, никак не сподоблюсь, не словлю.

А в основном я беру лаской. Сажусь прямо у самого дедова уха и завожу такой мур, ни дать, ни взять, Петька на «Беларуси» катит. Фролычу, видно, мнится, что он пахать под картошку приехал, вот дед тут же и вскакивает.

Жаль его, горемычного. Отправить бы хоть на недельку отдохнуть, да не в моих кошачьих силах. Он ведь по ночам не спит вовсе, так, придрёмывает. В дому-то ходячие только мы с ним. Хозяйка лет пять, почитай, как слегла. Всё на нас и держится. И ночью Фролычу приходится поминутно вставать к ней, то повернуть на другой бок, то лекарство подать, то ещё чем помочь. Где уж тут заснёшь, и я кручусь тут же, рядом. Всё деду веселей, не так горько и одиноко. Наезжают дети, но это редко, а все тяготы на нём. А годков-то уже! На сколько кошачьих жизней хватит!

По мере сил стараюсь подлечить стариков. Медицинских я не заканчивал, всё больше знахарствую. Помурчу у деда под ухом, полежу у хозяйки на больных ногах, глядишь, и притихнут к утру, вроде бы уснут. И будить-то жалко, а надо. Весна на дворе, хлопот-то, хлопот!

К примеру, пасека. Хоть и ненавижу я дедовских пчёл всеми своими кошачьими органами и мёда вовек не едал, но вчера вынужден был деду напомнить, что весна уж давно, пора бы посмотреть, как они там перезимовали. Как-никак, хоть и мелкая, а скотинка тоже. Надо бы подкормить, подымить. Обнаружил я в чулане дымарь, выкатил его на веранду, гнилушки старые рассыпал, куда деду деваться! Надел халат, пропахший воском да прополисом, сменил треух на сетку, и пошли мы с ним под клёны. Там с десятков ульев у моего Фролыча в тенёчке погуживают. Я, конечно, присмотрел, чтоб дед с пути не сбился, проводил его, а сам ближе не пошёл, залёг поодаль, на крышке развалившегося улья. Хозяин, как и полагалось, дымил, а я, как мне полагалось, грелся, принимал солнечные ванны. Надо оздоровить шерсть, совсем стала какая-то неприглядная, клочьями. Вчера Муська соседская не признала меня, видать, совсем постарел. А как любилась мы с ней, шельмой! Сдавать, видно, стал, потому и в лаз, который мне она когда-то показала у соседа в амбаре, стал похаживать нездешний приبلудный кот. Рыжий, с полосатым хвостом и, судя по тому, как он рванул от Муськи в чердачное окно, когда Петька его вожжами огрел, молодой ещё, резвый. Да и орёт он в вишняке за хатой так, что мы с Фролычем припугнули его из воздушки. А после этого какой сон? Напрочь я из-за того Рыжего весной лишился покоя, исхудал даже. Муська-то почти не волнует, зато допекает её наглый ухажёр. Всё поёт ей, уж был бы голос приличный, а то так, один скрип тележный.

О чём я, ах да, о пчёлах! Создания они весьма злые, чуть что, сразу кусаться. И лез бы я к ним, разорял бы что, а то так – не проходи мимо! И сразу в шерсть. Приходится, как последней курице, купаться в пыли, и кататься, кататься, чтобы затихла маленькая мерзавка. Изваляюсь, домой не пускают, пока не отряхнусь или под дождём не побываю. А тут ещё морду разнесёт! Правда, дед говорит, полезны эти пчелиные укусы, радикулита не будет. Благодаря им мы и не сдаёмся. Кряхтим, но кое-как встаём по утру, выходим, и день начинается.

Все дворовые нас сразу приветствуют лаем, ржаньем, бляньем. Кроме меня, есть у деда ещё помощник, но мне он не нравится. А куда деваться? Живём под одним кровом, с одних рук кормимся, поэтому с Дружком давно заключён мир. Порой он даже позволяет облизать косточку, похлебать из его миски, а я в ответ снисходительно отношусь к тому, что он повадился таскать яйца из гнезда ушастой несушки. Пусть яйца кладёт на место, придумала тоже нестись на сеновале. Дед об этом гнезде не знает, а я благосклонно умалчиваю. Долг платежом красен, да и всё же пёс-то то наш, родной. Вот и терплю эту его выходку. И его жалко, с годами он резко постарел, поседел даже, небось, и зубов-то почти нет, пусть яичком изредка побалуется. Кажется, мы с Дружком становимся всё больше похожи на

хозяина. Пёс даже смотрит хозяйскими серыми поблѣкшими глазами. У него на мой счёт есть неоправданные подозрения. Так как в дом его не пускают, он очень ревнует и считает, что я там могу по его недогляду непременно чего-нибудь начередить. Видно, не понимает, что вышел я из того беспечного возраста, повзрослел, сжился с хозяйством. Как же я могу нанести ему урон?

Взять хотя сегодняшний случай. Козел наш Гришка – пренеприятнейшая бестия. Мало, что бодается, так ещё и проказничает не по годам. Подоив коз, хозяин повесил подойник с утрешником на изгородь, видать, от Дружка, я-то не позволю, и ушёл за соломой. Наглый козёл наклонил подойник и в минуту опорожнил его. Я вскочил на изгородь и стал подбираться к его бодастой, нахальной башке. «Прыгну, - думаю, - меж рогов, расцарапаю бестолковую морду». А он дурак-дурак, а тут заметил хозяина, идущего с охапкой соломы, и наутѣк. Фролыч и обнаружил на месте меня одного, козла-то след простыл. Не сомневаясь в виновнике, дед накричал на меня, обозвал непередаваемыми словами, самые безобидные из них: «Когда ж ты только треснешь, обжора!»

От несправедливости я скрылся на чердак и пролежал там битый час, но потом пулей соскочил вниз, завидя в щѣлку беспредел. Промелькнула сорока с цыплѣнком в лапах. Я расшумелся, покидал с чердака старые вѣдра, плетушки, закатил такой переполох, что дед выскочил из сарая и, разогнав сорок, смастерил для клуши и её выводка крытый сеткой выгул, иначе перетаскают птицы, да и мои сородичи, всех цыплят. Я, обиженный дедом и козлом, сидел на лавке в сирени и приговаривал: «Давно пора было, я ж тебе намекал! Сил у меня не хватает за сорочьѣм гоняться».

Да. Силы уходят, а умирать не хочется. Вот снова весна повсюду! А запахи – то, запахи-то какие. Правда, несъедобные в основном, но всё равно – дурманящие. Сегодня с дедом навоз на огород вывозили. Слежался за зиму, самая подкормка для землицы-то. Тѣплый, парит, как из печи, хоть ешь, земляца ждѣт–не дождѣтся. А за курятником такой аромат! Там черѣмуха выбросила кисти. Дед её очень любит. Вообще он насажал за свою жизнь столько деревьев, что и не сосчитать, а к черѣмухе у него особое отношение. «Душа,- говорит, - от неё млеет». Ну, коли деду хорошо, мне и подавно, я на этой самой черѣмухе бывало, в молодые годы не одному воробью пѣрышки пощипал. К птицам никакого уважения не имею. Так, пустые создания, нам на потребу, а вот, например, конь, это совсем другое.

Это, можно сказать, заглавное дело в сельской жизни. Как говорит мой старик: «Без коня и хозяйства–то нет». И привезти, и вспахать, и поехать куда - всё он, милый. Не забуду, как плакал Фролыч, когда на дворе беда приключилась. Напугал ли кто, или ещё что, только прыгнул ночью конѣк через изгородь и напоролся брюхом на кол, спасти уже нельзя было. Прирезали горемычного. Дед ходил неделю сам не свой. Возьмѣт, бывало, вожжи и за сарай по привычке пойдѣт, туда, где Сивка ночевал, я за ним, и всё на руки, на руки прыгнуть стараюсь, замурчу, заластюсь, дед всплакнѣт,

а всё со мной легче. Так я его постепенно и отогрел, а то совсем было дед скис.

Вообще–то нам с Фролычем горевать да отдыхать-задумываться некогда. Надо Зинку с Милкой на луг спровадить. Одуванчики нынче, одуванчики какие! Тепло, они и прут! С весенней травы молоко у коз жирнющее, налакаешься парного, усы оближешь, и ничего тебе не надо бы, если б не такое хозяйство, за ним ведь глаз да глаз нужен.

Баран тоже доставляет огорчения. Ладно бы меня не признавал, а то ведь со всеми в контрах. На днях сосед шёл с молодняком, накопал берёзок на посадку в Ярочкином логу, а он его у нашей калитки отхватил и под зад так наподдал, что тот аккурат возле своей хаты и приземлился. Пришлось нам с Фролычем вечером после управки этот инцидент первачом да огурцами бочковыми отмаливать. Кстати, дед эти огурцы засаливает по-особому, ни у кого в деревне таких нет, видно, травы одному ему ведомые добавляет. Вот огурцы до мая хрустят, как свежие. Ну, а первач, о том и вовсе что говорить! Сад у Фролыча большой, а по всему его краю слив видимо–невидимо. Весь сентябрь мучаемся с дедом, сливы собираем, в бочонки ссыпаем. Противно мне по ним, склизким ходить, а что поделаешь, на кого ж деда покину? Вот и носим ведро за ведром, а потом дед из них самогон сливовый затирает. Вся округа его вкус знает. Нет, не так чтобы очень употребляет, но бывает, с устатку. Да я от такой жизни иногда и сам бы непрочь. Но статус кошачий не позволяет.

Так о чём это я? Ах, да баран. Круторог он у нас, глуп, как баран, и упрям. Всю округу в страхе держит. Фролыч, если баран во дворе, с вилами выходит. Тот вилы знает и сворачивает в сторону.

Зато вожак он отменный! В стаде у него всегда порядок, домой, на водопой, на луг, всегда вовремя. Завидую ему, у нас, у котов-кошек, каждый норовит сам по себе, а тут – семья! И баран в ней – неоспоримый глава. Чуть где какая овца-ярка отстанет, зазевается, - подгонит, подтолкнёт так, что та и думать забудет своевольничать. Рога закручены спиралью, о-го-го какие!

Дед наш ни поросёнка не может зарезать, ни овцу, рука не налегает. Зовёт Андрюху. Живёт этот лоботряс через несколько хат, вниз под горку. Не работает, ходит, калымит, то свинью кому поможет заколоть, то что-нибудь украдёт, так и кормится. Пуще всех ненавидит наш баран этого Андрюху. Помнит, видать, что именно он по осени ягнят у деда резал. Андрюха боится барана, как огня.

Да и я этого малого тоже, признаться, терпеть не могу за нечистые его руки, за воровской нрав. С детства он чуть заикается, а тут я ему добавил страху, устроил «Варфоломеевскую ночь». Была у нас баня. Она и сейчас стоит, да не доходят у деда до неё руки, запустилась, одичала, склад – не склад, кладовка получилась. Дед хранил в ней домашнюю утварь, алюминиевые бачки. Повадился Андрюха сдавать металл и присмотрел у нас посуду. Я, по старой привычке, ночевал иногда в бане, припоминая тёплые банные деньки. На чердаке сено для коз. Устроил я в нём лежбище,

и воздух чистый, и мышцы под боком. Вот и слышу я ночью, крадётся кто-то к бане, открывает дверь. Дед только лёг, значит, кто-то чужой. Смотрю, а это Андрюха входит, за баками пришёл. Я и шарк на него сверху, прямо с чердака на плечи. Что было! Забыл ворюга, где двери и ходу! Я ещё как тазом вслед запушу, чтоб побольше грохота было.

Так и крутишься день-деньской, к вечеру и лап не чуешь. А каково деду? Я-то при нём, а все тяготы он выносит. Сегодня полдня телегу чинили. Конька нет, ход остался. Нальёт дед поллитру, возьмёт на денёк у кого-нибудь лошадку, а ход свой. Может, в лес собрался? А может, солому с поля привезём. Что за бесхозяйственность такая пошла? Бывало, стоит омет, уж я в нём так накоштуюсь, полёвок наемся! А теперь чуть что, ещё с осени, пожгут всю солому, даже нам, котам, не с руки. Я вообще дыма не люблю.

Правда, оговорюсь, нравится мне, когда дед, завершив дела, присядет чуток отдохнуть, достанет грушевую трубочку. Грешен, люблю эти короткие мгновения, заберусь к деду на колени. Сидим на крылечке, слушаем, как майские жуки в клёнах копошатся. Колхоз зачах, в полях не сеют, не пашут, нет химикатов, вот хрущи и ожили, расплодились, гирляндами с веток свисают. И вжикают, вжикают. Сидим с Фролычем, тишину да возню жуков слушаем. Дед затягивается, я дымок нюхаю. Такой родной, ни с чем не спутаешь. Перекурим, расскажет старик о своих планах на завтра, я подмурлыкну, мол, помогу, чего уж там. На кого ж тебе ещё-то надеяться?